

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.157-3Наумов.09

DOI 10.25587/2782-6635-2024-1-5-18

Проблематика и поэтика произведений Дмитрия Наумова

A. A. Бурцев , *M. A. Бурцева*

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

 anatoly_burtsev44@mail.ru

Аннотация. Дмитрий Федосеевич Наумов создал в своих произведениях особый социальный и духовный «микрокосм» в образе якутской деревеньки Чараннах, так как, по его мнению, национальная идентичность народа саха формируется именно в сельской местности. Рассказы писателя демонстрируют целый ряд внутрижанровых разновидностей, начиная с основных типов малой прозы – собственно рассказа, новеллы, очерка, – и кончая синтетическими и гибридными формами малых эпических жанров. В новеллистике Д. Наумова представлены сатирические рассказы, направленные против бюрократов, карьеристов, любителей зеленого змия. Во многих из них присутствует бытовой комизм, а в ряде рассказов писателя ощущаются черты известной в мировой литературе так называемой «озорной» традиции, которая нередко граничит с «черным» юмором. У Д. Наумова юмор носит мягкий, «намекающий» характер, и его смысл скрыт в иносказаниях, подтексте. Целый цикл рассказов посвящен животным: в бестиарий автора входят лошади, коровы, собаки, кошки, даже пороссята. Писатель демонстрирует незаурядное мастерство в создании массовых сцен и выявлении «коллективного сознательного». В то же время его художественная антропология содержит немало ярких индивидуализированных образов. Во многих рассказах Д. Наумова ощущается его талант как драматурга. Если новеллистика писателя демонстрирует разные типы малой прозы, то жанровые обозначения его драматургических произведений ограничиваются лишь двумя определениями: «пьеса» в значении «драма» и «комедия». Единственное драматическое произведение, которое не сопровождается авторским жанровым определением, – это «Осень». Судя по краткой начальной ремарке, соблюдению принципа «трех единств», отсутствию внешних событий, минимуму действующих лиц, это психологическая монодрама. В своих комедиях, как и в рассказах, Д. Наумов использовал целую систему поэтических средств и приемов, начиная с таких, как литературные аллюзии, поэтика имен, анималистическая образность, и кончая речевым самораскрытием героев. В них для усиления иронического контекста упоминаются персонажи С. С. Яковleva-Эрилик Эристина бедный Хачыгыр, Д.К.Сивцева-Суорун Омolloона самодур Макар, «великий комбинатор» Остап Бендер из произведений И. Ильфа и Е. Петрова, адаптируются стихотворения С. Р. Кулачикова-Элляя. Наконец, Д. Наумов, сам блестящий знаток родного языка, с полным правом бросает камень в огород сторонников излишней «якутизации» языка народа саха.

Ключевые слова: рассказ как «форма времени», «озорная» традиция, «черный» юмор, бытовой комизм, художественная антропология, анималистика, бестиарий, национальная идентичность, микрокосм, этатизм, интертекст, параперсонаж, монодрама, пьеса-кульминация.

Для цитирования: Бурцев А. А., Бурцева М. А. Проблематика и поэтика произведений Дмитрия Наумова. Вопросы национальных литератур. 2024, № 1 (13). С. 5–18. DOI: 10.25587/2782-6635-2024-1-5-18

Problematics and poetics of Dmitry Naumov's works

A. A. Burtsev , M. A. Burtseva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

 anatoly_burtsev44@mail.ru

Abstract. In his works, Dmitry Naumov created a special social and spiritual “microcosm” in the image of the Yakut village Charannaakh, since, in his opinion, the national identity of the Sakha people is formed precisely in rural areas. The writer's stories demonstrate a number of intra-genre varieties, starting with the main types of short prose – the actual story, short story, essay – and ending with synthetic and hybrid forms of short epic genres. Naumov's short stories feature satirical stories directed against bureaucrats, careerists, and lovers of the “green serpent”. Many of them contain everyday comedy, and in a number of the writer's stories one can feel the features of the so-called “mischievous” tradition known in world literature, which often borders on “black” humor. Naumov's humor is of a soft, “hinting” nature, and its meaning is hidden in allegories and subtext. A whole series of stories is dedicated to animals: the author's bestiary includes horses, cows, dogs, cats, even piglets. The writer demonstrates extraordinary skill in creating crowd scenes and identifying the “collective consciousness.” At the same time, his artistic anthropology contains many vivid individualized images. In many of Naumov's stories one can feel his talent as a playwright. If the writer's short stories demonstrate different types of short prose, then the genre designations of his dramatic works are limited to only two definitions – “play” in the sense of “drama” and “comedy”. The only dramatic work that is not accompanied by an author's genre definition is “Autumn.” Judging by the brief initial remark, adherence to the principle of “three unities,” the absence of external events, and the minimum of characters, this is a psychological monodrama. In his comedies, as in his stories, Naumov used a whole system of poetic means and techniques, starting with such as literary allusions, poetics of names, animalistic imagery, and ending with the verbal self-disclosure of the characters. To enhance the ironic context, they mention the characters of S.S. Yakovlev-Erilik Eristin, poor Khachygyn, D.K. Sivtsev-Suorun Omollooa autocrat Makar, the “great strategist” Ostap Bender from the works of I. Ilf and E. Petrov, and adapt Ellyai's poems. Finally, Naumov himself is a brilliant expert on the native language, rightfully throws a stone at supporters of excessive “Yakutization” of the language of the Sakha people.

Keywords: story as a “form of time”, “mischievous” tradition, “black” humor, everyday comedy, artistic anthropology, animal studies, bestiary, national identity, microcosm, statism, intertext, paracharacter, monodrama, climax play.

For citation: Burtsev A. A., Burtseva M. A. Problematics and poetics of Dmitry Naumov's works. Issues of National Literature. 2024, No. 1 (13). Pp. 5–18. DOI: 10.25587/2782-6635-2024-1-5-18

Введение

Д. Ф. Наумов вступил в литературу в солидном возрасте, имея за плечами большой жизненный и трудовой путь. Уроженец Амгинского района, он рано остался сиротой и вырос в атмосфере, где ценились труд, почтение к старшему поколению, любовь к родной природе. После окончания сельскохозяйственного факультета Якутского государственного университета (1977) вся его трудовая биография связана с развитием сельского хозяйства республики. Работал в Верхневилюйском районе: сначала зоотехником, потом директором совхоза, начальником управления сельского хозяйства, заместителем главы района. В 1995 г. был избран главой родного Амгинского улуса.

С 2000 г. занимал должности республиканского уровня: министра сельского хозяйства, заместителя Председателя правительства РС (Я). В 2008–2013 гг. народный депутат, председатель Постоянного комитета по аграрной политике Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия).

Имеет множество государственных наград, Почетный гражданин Амгинского, Верхневилюйского улусов, народный писатель Республики Саха (Якутия).

Первые же книги рассказов Дмитрия Наумова привлекли пристальное внимание читателей и вполне закономерно получили благожелательные отзывы со стороны собратьев по писательскому цеху и критики. Одним из первых откликнулся В. Сивцев, поставивший Д. Наумова рядом с видными представителями «деревенской» прозы в русской литературе В. Распутиным и В. Беловым. По авторитетному мнению народного поэта Якутии, после В. Яковleva в якутской литературе не было писателя, так глубоко раскрывшего «труды и дни» сельских тружеников [1]. В унисон с В. Сивцевым высказался Е. Ростовцев, увидевший заслугу Д. Наумова в том, что он не только стремился проникнуть во внутренний мир сельского человека, но и создал «своего рода энциклопедию якутского села» [2].

Малая проза Д. Наумова в контексте современного якутского рассказа

Как и в русской литературе, малые прозаические жанры в якутской литературе приобретали актуальность в периоды глубоких духовных сдвигов, когда наступало время кризиса старых устоев, время поисков новых путей развития жизни. В начале XXI в. с его событийной насыщенностью и социальной аритмии именно рассказ становится «формой времени». Тогда малые жанры были представлены в творчестве более ста якутских писателей [3].

Рассказы Д. Наумова демонстрируют целый ряд внутрижанровых модификаций. С точки зрения жанровой формы в творчестве писателя, наряду с основными типами малых эпических жанров, – собственно рассказом, новеллой, художественным очерком, – представлены синтетические и гибридные разновидности малой прозы. В частности, к разряду рассказа-монолога относятся «Мы парни прошлых лет», «А знаете ли?», «Я не виноват» и другие. Черты рассказа-репортажа присутствуют в «Очереди» и «Деревенских новостях». Рассказ «Соседи» имеет диалогическую форму. В новелле-письме «Здравствуй, тойон Берлускони!» новеллистическая фабула заключена в эпистолярную форму.

Ряд рассказов-миниатюр приобретает характер новелл-очерков («Дыши-дыши», «Электрик», «Глаза мужчины не стареют»). Наконец, в систему малых жанров писателя входят также стихотворения в прозе («Красавица Амга», «Береза», «Эдельвейс», «Счастье»).

С точки зрения жанрового содержания в творчестве Д. Наумова выделяются традиционные охотничьи истории с непременным новеллистическим элементом. В рассказе «Ну и морока с этим ружьем» молодой охотник, стремясь снискать репутацию меткого стрелка, отрывает убитым уткам головы и демонстрирует безголовые тушки. Герой рассказа «Красные манки» Иван, благополучный глава семейства, уважаемый учитель, тоже для полного счастья хочет прослыть хорошим охотником. Вместе со своим соседом Василием Малахаем они целую зиму готовились к весенней охоте на уток, наделили множество деревянных манков, но, когда начался сезон, потерпели фиаско, так как их неуклюжие, нелепо раскрашенные манки только пугали пролетающих мимо уток. В другой новелле повествуется о том, как компаньоны махнули рукой на уток и осенью решили пойти на крупную дичь («Байанай»). Сначала им опять не повезло: Малахай раньше времени открыл стрельбу, и в результате они упустили лося. Потом уже Иван принял за соболиную нору медвежью берлогу и стал ее ворошить. Все же благодаря опытным охотникам им удалось добить медведя: Иван заслужил звание настоящего охотника, за Малахаем закрепилась репутация любителя медвежьего сала, а автор

получил возможность поставить новеллистическую финальную «точку»: «Ыстаал уокка хатарыллар, булчут – сыаңа!» (Сталь закаляется огнем, охотник – салом!) [4, с. 275].

В рассказе «Современное чучело» повествуется о том, как охотники Чараннаха с подачи находчивого Егорши начали использовать для изготовления чучела турпаны женские колготки черного цвета. При этом кое-кто из них якобы выяснил, что турпаны предпочитают чучела, обтянутые колготками б/у (бывшими в употреблении), чем совершенно новыми вещами.

В связи с этим «открытием» можно добавить, что в ряде рассказов Д. Наумова ощущаются черты известной в мировой литературе так называемой «озорной» или фривольной традиции. Ее истоки относятся к античной словесности, а в новое время ей отдали дань французские поэты Ж. Лафонтен и Ф. Вольтер, в русской литературе – И. Барков, А. Пушкин, Н. Некрасов, А. Фет и др. В якутской литературе приверженцем такой «смехотворной» поэзии был С. Руфов, переводивший песни средневековых вагантов и издавший целую «Книгу проказника» («Дъээбэтиннык»).

«Озорная» традиция чаще всего связана с поэзией, а в прозе – с жанром новеллы. Так, один из самых типичных новеллистических сюжетов – адюльтер – встречается в таких рассказах Д. Наумова, как «Деревенские новости», «На пустом месте», «Нарушены правила». В последнем рассказе пародируется эпизод, характерный для советского времени. На заседании парткома совхоза обсуждается персональное дело солидного, во всех отношениях правильного человека, коммуниста Тырымнырова, которому «бес ударили в ребро», и он стал отцом внебрачного ребенка. Выясняется, что виновник полностью раскаялся, со стороны семьи претензий нет, его жена, родившая трех дочерей, даже рада, что у мужа теперь появился сын. У женской части парткома тоже были дети, родившиеся, «с божьей помощью подобным же методом», и дело к общему удовлетворению завершилось формальным выговором.

Рассказы Д. Наумова создавались уже в постперестроечный период, поэтому в них ощущается довольно вольное отношение простого народа к партии и ее вождям. В одном из рассказов старая коммунистка Христина на партийном собрании прямо заявила, что «партия совершила большую ошибку», отправив опытных работников на пенсию в пятьдесят пять лет и оставив на производстве незрелую молодежь («Ошибка партии»). В рассказах «Видел бы», «Спектакль», «Вот досада-то!» и некоторых других всуе упоминаются имена Ленина, Сталина, Хрущева, Косыгина.

Юмор Д. Наумова имеет отличительные черты. Вообще специфика юмора связана с особенностями национального характера. Существует, например, понятие английского юмора. Как известно, англичане считаются подчеркнуто серьезными, чопорными, даже надменными людьми. Их невозмутимость и медлительность стала «притчей во языцах». У. Теккерей определил эти черты английского характера понятием «снобизм». Другой английский писатель Э. Форстер оперировал выражением «неразвитое сердце» («undeveloped heart»).

Русский юмор тоже связан с национальной ментальностью и носит гораздо более острый и живой характер, чем английский юмор. Он ориентирован на актуальные, злободневные темы и чаще всего находит выражение в жанре анекдота.

Природа якутского юмора добрая, так как национальная ментальность народа саха, сформировавшаяся в суровых природных условиях, основывается прежде всего на принципах комплементарности и толерантности. Юмор Д. Наумова, представляющий собой образец якутского юмора, носит суггестивный, «намекающий» характер и высмеивает абстрактные ситуации и черты поведения человека. Его подлинный смысл зачастую скрыт в иносказаниях, в подтексте. Даже так называемый «черный» юмор направлен на избавление от комплексов, разрушение закостенелых норм поведения и переводит мышление на более свободный от запретов уровень.

В новелле «На пустом месте» «озорная» традиция как раз граничит с «черным юмором». Мастер Прокопий строит ограду вокруг могилы на краю кладбища. На вопрос прохожих, кому он ставит ограду, Прокопий без тени смущения отвечает, что вроде здесь скончали Семена, но он «мужик каких поискать, мог и не утерпеть... отсюда в третьей могиле лежит его любовница, жена Конона красавица Майя. Как землей присыпали, так туда, поди, и перебрался, чего ему тут лежать-то, незачем. Так, пустую могилу городим» [4, с. 140].

Еще в нескольких рассказах «черный юмор» выполняет защитную функцию перед таким деструктивным моментом человеческого существования, как смерть. Герой рассказа «Я, оказывается, умер», лежа в гробу, наблюдает за людьми, пришедшими проводить его в последний путь, и раскрывает их истинные намерения. Пришел старик Мэхээс, который специально ходит на похороны, и, видимо, не имея иной трибуны, на поминках изошаряется в красноречии. Пришла первая любовь покойного Клара, опечаленная, то и дело вытирает слезы. Он хотел встать и поцеловать ее, но нельзя. Тут зашла его жена и стала публично упрекать за то, что ушел, не подготовив хозяйство к зиме. Снова хотел вскочить и дать ей по лбу, но вовремя опомнился. Еще явился ее дражайший брат, как же без него. Смотрю, ключи от моей машины и оружейного сейфа уже достались ему и узечку моего коня Кустука перебросил через плечо?! Что, все нажитое моим непосильным трудом он прибрал?! Нет, ничего не дам! Нет! Я проснулся от собственного крика. Оказывается, живой! О, жизнь, ты прекрасна! [5].

В рассказе «Вещий сон» мир 60-летнего Павла, бывшего тракториста, ставшего после ликвидации совхоза «солдатом собственной жены», ограничен «хотоном и походом в магазин за хлебом». Спасает только видик, благодаря которому они вместе с приятелем Романом пристрастились к просмотру эротических фильмов. Перед юбилеем ему приснился сон о том, будто он предстал перед божеством судьбы Дылга Ханом, который спросил его, что хотел бы получить в подарок. Павел помялся для приличия и сказал, что желает омолодиться на десяток лет, а также увеличить свою мужскую силу и стать богатым. При этом он каждый раз корил себя, что попросил мало, на что Дылга Хан сказал: «Сын мой, надо довольствоваться малым» [5, с. 381–386].

В рассказе «Мечта» собравшийся на субботник деревенский люд в обеденный перерыв «точит лясы», шутливо обсуждает вопрос, кто чем стал бы заниматься, если получит полную свободу: одна из женщин сказала, что поедет в Бразилию сниматься в сериале, другая – в Сочи в поисках кавалера. Когда спросили многодетного отца Петра, о чем ты мечтаешь, он неожиданно заявил: «У меня мечта маленькая. Ездить туда-сюда не могу. Детей много, семья большая, разве с такой оравой разбогатеешь? Мне, хотя бы... хоть одно лето быком-производителем побывать» [4, с. 303]. Такой же «озорной» характер носят маленькие новеллы «Сверстники», «Ночная тревога». Но автор не переступает границы недозволенного, у него нет натуралистических подробностей. Только в рассказе «Как мама» он несколько «перегнул палку».

В таких рассказах писателя, как «Покупка», «Купание», «О чем думал, когда падал», речь идет о бытовом комизме. Характерным примером в этом отношении может служить рассказ «Спектакль». Автор обратился к широко распространенному явлению, когда в якутских деревнях к каждому празднику устраивали театрализованные представления. Их обычно организовывала сельская интеллигенция, а принимали участие все желающие. К подобным спектаклям предъявлялись высокие требования: костюмы и реквизит должны были в точности соответствовать времени действия, очень тщательно изготавливались декорации, выбирали суплеров, крайне ответственно подходили к распределению ролей.

В этот раз действие пьесы происходило во время гражданской войны, поэтому понадобились исполнители, изображавшие «белых» повстанцев и «красных» революционеров. Роль ярого врага советской власти предложили директору школы Ивану

Михайловичу, но тот наотрез отказался, так как подал заявление в члены партии. Зато согласился сыграть томящегося в застенках ревкомовца. На роль начальника штаба повстанцев внешне подходил Семен Сутулый, но его отец старик Сутулый в свое время был активным участником белого движения, и прозвище «бандит» по наследству досталось сыну, который по моральным соображениям никак не мог сыграть эту роль. Наконец распределили роли и приступили к ежевечерним репетициям.

Тем временем заметно потеплело, весна обещала быть ранней. Наступил день Первомая, в клубе собрался празднично принарядившийся народ. В ожидании спектакля люди оживленно делились житейскими новостями. Время шло, представление все не начиналось. То не хватало старинного стола, то отправляли за ружьем для повстанца-конвоира, то супфер забыл дома очки.

Наконец занавес открылся, и спектакль начался. Все бы хорошо, да игравший наслежного голову глуховатый Байбаска, в детстве болевший ухом, плохо слышал супфера и все время путался. Но настоящий казус случился в финале, который получился кровопролитным. Повстанцы с ружьями наперевес согнали на расстрел босоногих, с разбитыми лицами ревкомовцев. Молодой парень, игравший одного из белых, довольно сильно ткнул прикладом в спину красного ревкомовца, которым оказался директор школы. Он громко крикнул: «Больно ведь, полегче!». Конвойир еще сильнее огrel врага, да так, что тот упал: «Не думай, что раз играешь в пьесе, так все можно!». В зале возросло оживление. Бедных ревкомовцев выстроили в ряд над могильными ямами. Прогремели выстрелы, Иван Михайлович упал рядом со скотником фермы Семеном, самым активным артистом, который не просто упал, как это сделал директор, а медленно, изогнувшись в мучительной судороге, при этом его босая нога оказалась прямо на лице директора. В зале воцарилась тишина, и вдруг эту немую сцену гибели красных нарушил чей-то громкий голос: «Убери ногу с моего лица!». Нога «убитого» Семена даже не дрогнула. «Убери ногу, говорю! До чего вонючая она у тебя!» – послышался со стороны убитых громкий голос директора, затем он скинул ногу Семена со своего лица. После этого последовал авторский новеллистический комментарий: «О, этот запах ноги, сбросившей тонкие торбаса с промокшими насквозь онучами! Кто бы смог вытерпеть твой убийственный запах!» [4, с. 25].

Жители деревни несколько дней говорили о спектакле. Все обсуждали, кто как играл. Детям особенно понравился финал, они вовсю подражали увиденному. Кое-кого интересовал вопрос: а не выгонят ли из школы учителя математики, сильно рассердившего директора ударом приклада. Но самым популярным артистом оказался скотник Семен, удушающий запах ноги которого воскресил бы даже мертвого. С тех пор его стали называть «Сногшибательный Семен».

В малой прозе Д. Наумова представлены и традиционные сатирические рассказы. В «Расписке» автор подверг осмеянию карьериста, введенного в чин председателя маленького колхоза. Гордый своей новой должностью, он приобрел по этому случаю часы, которые так и сверкали на его смуглой руке. Из-за цвета кожи к нему с детства прилипло прозвище «Ворона». У председателя была привычка почти не глядя ставить свою красивую витиеватую подпись на каждой поступившей бумаге. Однажды он чуть было не подмахнул расписку с текстом: «Я, Ворона Лебедевич, даю настоящую расписку в том, что три года как являюсь любовником жены Григория Дарьи». С тех пор он стал по нескольку раз перечитывать каждый документ. В рассказе «Сон» был поставлен на место судебный исполнитель, кичливый уполномоченный из района. В рассказе «Блокнот» сатирические стрелы направлены в адрес демагога, новоиспеченного демократа, на каждом шагу козыряющего «перестройкой» и «гласностью».

Рассказ «Совет» представляет собой целый кодекс моральных принципов и правил поведения бюрократа. Вот некоторые рекомендации маститого бюрократа молодому коллеге:

- знай, что отставка большого начальника приравнивается к взрыву бомбы;
- бюрократ должен решать только вопросы, входящие в его компетенцию, иные вопросы его не касаются;
- слово «бюрократ» происходит от французского «бюро» (стол) и греческого «кратос» (сила); то есть «мой стол» – это «моя сила»;
- настоящий бюрократ должен знать биографию своего начальника;
- в кабинете бюрократа обязательно должен висеть портрет вышестоящего начальника;
- бюрократ обязан быть в курсе, кто из представительниц прекрасного пола прежде привлекал внимание босса и кто теперь пользуется его расположением;
- поступившие заявления надо положить в папку, чтобы «отлежались» и «созрели»; на запросы заявителей нужно отвечать, что вопрос «изучается»;
- бюрократ должен знать, что начальник не ошибается; если все же произошла ошибка, ответственность принимает на себя подчиненный [5, с. 410–413].

Комический элемент присутствует в рассказах, посвященных порицанию таких любителей зеленого змия, как «Коли так сказал вождь...», «Я не виноват», «А знаете ли?». В то же время в художественной антропологии писателя нет присущей социалистическому реализму заданности, полярности образной системы. Те же нарушители трудовой дисциплины демонстрируют чудеса находчивости и остроумия, когда предстают перед судом месткома. Скотник Алексей Куприянов, прозванный Кривлякой за свой артистический талант, явился на заседание в измазанном навозом одеянии, красноречиво демонстрирующем его тяжелую работу, отвесил нижайший поклон и хотел было в знак уважения поручаться с каждым из членов месткома, но воздержался, сославшись на не соответствующее «санитарное состояние». А когда ему предоставили слово, заявил, что по пути в магазин увидел на стене клуба портрет товарища Ленина, который махал ему рукой, мол, «правильной дорогой идете, товарищ Куприянов!». Ну и на радостях купил две бутылки водки («Коли так сказал вождь»). Герой рассказа «Я не виноват» возложил ответственность на предков, которые когда-то покинули солнечную Сирию, где растет благословенный виноград, и забрались в этот суровый, студеный край, по причине чего приходится иногда бросаться с головой в пьяный омут.

Особняком в творчестве Д. Наумова стоят рассказы о животных. Вся его малая проза пронизана густой сетью анималистической образности. До него в якутской литературе были известны произведения о животных и птицах Н. Лугинова («Кустук», «Ворон»), В. Васильева-Харысхала («Туу-Хаах», «Круглогорая», «Турагаскы»), С. Тумата («Жизнь на острове посреди моря», «Дыхание великого зверя», «Рождение вражды») и некоторых других писателей.

Современная наука все больше склоняется к идеи о наличии у животных эмоций и умении их проявлять. Впрочем, еще Ч. Дарвин в работе «О выражении эмоций у животных и человека» (1872) констатировал, что животные обладают набором эмоций, и эти эмоции во многом сходны с человеческими. У людей иногда различают «простые» и «сложные» эмоции. К доступным животным простым эмоциям принято относить: гнев, страх, отвращение, радость, печаль, удивление.

В рассказе Д. Наумова «Соседи», как и в «Новелле о беседе собак» М. Сервантеса, использован классический прием, когда через восприятие умных животных происходит авторская оценка поведения людей. В холодную декабрьскую ночь в одном загоне «в сырой дремоте» с закрытыми глазами стоит «рыжий конь в белых чулках и со звездой на лбу», а в соседнем загоне мечется, чтобы «не околеть от холода», голодный «конь с неухоженной длинной гривой, с натертой хомутом до кровавых мозолей, худой шеей» [5, с. 100–104]. В другом рассказе «Акым» изображен конь знаменитого табунщика Басылайкана: «Гнедо-саврасый, со звездой — ярко выделявшимся среди коричневой

шерсти белым пятном на лбу, белыми же чулками ниже запястий передних ног... с темным ремнем вдоль спины и черными с примесью светло-бурых волос гривой и хвостом, он имел такую хорошую постановку стройных ног с чистыми, прозрачными с перламутровым блеском копытами, что гораздый на образные выражения табунщик Коля сравнил их с ножками городской женщины в туфельках на высоком каблуке» [5, с.104–105]. Акым сразу распознавал настроение своего хозяина, а когда тот умер, печально проводил его до кладбища.

Пример антропоморфной интерпретации поведения лошадей приведен в рассказе «Весеннее утро». В ночной беседе во время весенней охоты на уток автор-повествователь и его коллеги затронули вопрос о свободных нравах современной молодежи, и тут же они стали свидетелями удивительно похожего на человеческое поведение лошадей, когда молодая кобыла из табуна старого жеребца «переметнулась» к более молодому и настырному вожаку другого табуна.

Целый цикл рассказов писателя посвящен собакам. Среди них выделяется рассказ «Кэрэмэс», построенный как внутренний монолог старого пса, который верой и правдой служил Старику вместе с конем Пегим целых одиннадцать лет и еще три года приходил, «тоскуя и горюя по своему другу», на его могилу и вспоминал, как они охотились на лосей и раздавали мясо односельчанам. Был у Старика единственный сын, который «уехал куда-то далеко-далеко и погиб в великой битве, где люди стреляли друг в друга из ружей». Подруга сына Майечка, верная его памяти, с тех пор живет одна. С ней тоже мы делимся мясом. Однажды Старуха сказала мне, что она совершила грех, который «вместе с неутешными слезами сойдет с ней в могилу». Тем летом сын хотел жениться, но она по простоте своей сказала, что лучше это сделать осенью, когда еды будет больше. Он погиб, полмесяца не дожив до Победы, и остался лежать в немецкой земле. «Наши собачьи слезы не видны никому, мы плачем сердцем, скулим и воем от этой боли...». А «люди странные, даже друг друга не понимают, куда уж мне, собаке, их понять», – думал Кэрэмэс [5, с. 188–197]. О взаимоотношениях между самими собаками повествуется в рассказах «Дохсун» и «Кырса». О перипетиях сложной судьбы охотничьей собаки и ее трогательных взаимоотношениях с человеком речь идет в рассказе «Чооруос».

В бестиарий Д. Наумова входят также рассказы о кошках («Кот Егор», «Семья Ивана»), коровах («Догдомо», «Кюёрэгэй», «Чомойор»), даже о поросятах («Поросенок Сашка»).

В двух рассказах писатель поведал о трагических историях, связанных с птицами. Герой одного из них, приемный отец автора, признался ему перед смертью о том, как в молодости ненароком, поддавшись охотничьему азарту, выстрелил в пару лебедей. С тех пор, уже более пятидесяти лет, в тяжелые дни ему слышится проклинающий крик скорбящего по своей подруге лебедя. У него умерли три жены, не осталось ни одного своего ребенка, единственного внука не приближает к себе, оберегая от возмездия той птицы («Завещание»). В основе другого рассказа тоже лежала реальная история. Три года назад весть о том, что молодой охотник Мэхээс, обладатель новенького ружья, подстрелил журавля, облетела всю округу. Старики тогда вспомнили древнее поверье о том, что если погибла самка, то журавль девять лет прилетает оплакивать свою подругу. Местные охотники рассказали, что два года подряд журавль прилетал ровно в это время и предупредили, что в него нельзя стрелять. На рассвете все услышали печальный крик прилетевшего опять одинокого журавля («Журавль Мэхээс»).

Д. Наумов относится к тому типу писателей, о которых принято говорить, что они, подобно паукам, «многое тянут из себя». Автобиографический характер носят такие рассказы, как «Завещание», «Старая фотография», «Ремонт», «Дровосеки» и некоторые другие. В них с большой любовью и уважением повествуется о поколении детей войны. Особой теплотой и подчеркнутым пиететом отличаются рассказы-воспоминания «Мой тестя», «Друзья», посвященные Народным писателям Якутии П. Н. Тобурокову, С. Т. Руфову, И. М. Гоголеву–Кындылу, Н. Г. Золотареву–Николаю Якутскому.

Писатель В. Васильев-Муттуххай Боронг писал, что первые творческие искры в Д. Наумове раскрыл его школьный учитель В. Гольдеров, а в становлении и расцвете его таланта огромную роль сыграл тестя П. Тобуроков. Дмитрий Федосеевич в свою очередь признавался, что на него сильно повлиял К. Урастыров, который считал, что якутский национальный характер глубоко раскрыл Суорун Омolloон.

Американский писатель Ш. Андерсон дал совет другому американскому писателю У. Фолкнеру: Вы все время стараетесь писать о том, чего не знаете, — пишите о том, что хорошо знаете, и тогда вас ждет успех. Якутский писатель Д. Наумов родился в деревне, хорошо знает деревню, сельскую жизнь, и пишет об этом. По его мнению, национальная идентичность народа саха, выражаясь в уникальных традициях, культуре и языке, формируется именно в сельской местности.

Подобно У. Фолкнеру, который начиная с романа «Сарториус» и кончая знаменитой трилогией – «Деревушка», «Городок», «Особняк» – построил на материале истории американского Юга некую модель мира, названную им индейским словом Йокнапатофа, что означает «тихо течет река по равнине», Д. Наумов создал свой особый социальный и духовный «микрокосм» в образе якутской деревеньки Чараннах (Березовая). Каждая его книга открывается панегириком в честь этого камерного пространства, насыщенного особой ментальной атмосферой. Вот один из них: «Ты, моя деревенька, заповедный укромный приют тихой, размеренной жизни, согласно заведенному исстари укладу, кормишь-лелеешь люд свой. Разнообразен, пытлив и смекалист он. Работает не покладая рук, находя счастье в твоей полной забот жизни, выпускает в полет похожих на свивающихся рядом гнезда звонкоголосых пташек своих детей-птенцов...» [4, с. 3].

Как и в якутских олонхо, в рассказах Д. Наумова возникает «свой» и «чужой» мир. Свой мир, или «счастливое пространство» [6, с. 16], это, конечно же, деревенька Чараннах. Ей автор посвятил такие пронзительные строки: «Моя родная земля для меня – все равно что мать для ребенка, которую он не выбирает, она одна. У нее чудесный запах, который кружит голову, как материнское молоко, ее объятия теплы, как теплы и сладостны объятия матери, взор ее полон любви и искренних чувств, обращенных только к тебе» [4, с. 282].

Главной опорой «своего мира» является «коренная сельская якутская семья», привыкшая добывать свой хлеб тяжелым трудом. По мнению Д. Наумова, «хотя вряд ли можно назвать этот нелегкий крестьянский труд столбовой дорогой нашего экономического развития, но именно в нем жизнь корней нашей самобытности, питающих национальный дух нашего народа живительной силой самой земли нашей... В этом смысле они, эти сельские семьи, и есть то главное, определяющее нашего народа, которое, собственно, и делает его народом» [4, с. 145–146]. В комедии «Кампания любви» писатель приводит слова Р. Гамзатова: «В городе находится население, в сельской местности живет народ».

Выход за пределы «своего мира» не сулит ничего хорошего. Условным символом «чужого» пространства становится город. В лучшем случае это могло обернуться попаданием в неловкую ситуацию, как случилось с нездачливыми деревенскими парнями в рассказах «Покупка» и «Купание». В худшем же случае город мог оказаться опасным для жизни, как считала пожилая жительница деревни («Точно, погубили»). Другой почтенный патриот деревни из рассказа «Басыргас» искренне жалеет, что его любимого внука Ванюшу, который «мог стать прекрасным охотником и работающим человеком» «испортил» город («бэртээхэй да булчут, кыайыгас да улэһит буолуух киһини куорат сиэ буоллаðа»). «Эффективные» городские предприниматели обманывают честных сельских тружеников («Петр Петрович»). Даже картошку у себя на даче горожане выращивают по какой-то непонятной хитроумной технологии, что приходится не по нраву деревенскому жителю («Посадка картофеля»).

Локализация места действия в рассказах Д. Наумова не мешает созданию широкой картины действительности. Историко-временной контекст его произведений достаточно широк, не случайно в одном из рассказов он выразил желание «раздвинуть, приоткрыть завесу ушедшего времени» [4, с. 134]. Его новеллистика охватывает годы гражданской войны, репрессий, Великой Отечественной войны, эпоху брежневского «застоя», горбачевской «перестройки», распада СССР и новой России. Отголоски братоубийственной гражданской войны и троцкизма ощущаются в рассказах «Спектакль», «Любовь Иванушки», «Колхозное собрание», «Старая фотография». Тяжелое время ВОВ и послевоенной разрухи отразилось в рассказах «Женитьба», «Медаль Сталина», «Заброшенное жилье», «Старая фотография», «Колхозное собрание». В рассказах «Очередь», «Право на отдых», «Пустая, что ли?» и других раскрываются реалии советской и постсоветской действительности: дефицит товаров, сдача в заготпункты даров природы, лимит, талонная система, «сухой закон» и т. д.

Д. Наумов демонстрирует незаурядное мастерство в создании массовых сцен и выявлении «коллективного сознательного». Так, в рассказе «Колхозное собрание» фронтовики проявили солидарность: заступились за контуженного на фронте солдата и добились, чтобы расходы на ремонт вышедшего из строя по его вине трактора были отнесены на общий счет. В рассказе «Очередь» раскрывается атмосфера в деревне Чараннах в разгар борьбы с пьянством, когда во время «сухого закона» была внедрена талонная система на алкогольную продукцию. Продавец винного магазина держится как «королевич» или «messия», позволяет себе опаздывать к «святому времени продажи», забывая то ключи, то очки, а народ в очереди демонстрирует «великое терпение». Элементы коллективного сознания проступают в рассказах «Мечта», в котором речь идет о субботнике, и «Концерт», посвященном перипетиям подготовки и проведения конкурса художественной самодеятельности между зонами в Чараннахе.

Создавая обобщенный образ народа из целой полифонии судеб и характеров, писатель не мог не отразить внедрение в сознание советских людей коллективистских ценностей, предполагавших отказ от индивидуальности, суверенности личности. Характерным примером человека-этатиста служит герой рассказа «Блокнот» Семен Саввич, который «ни с кем не спорил, всегда со всем соглашался; все бы хорошо, да одно мешало – он напрочь забывал обещанное». Он был порожден временем, когда «партии нужны были только... солдаты, командиров должно было быть немного» [4, с. 313–314].

Тем не менее целый ряд персонажей в рассказах Д. Наумова отнюдь не сливаются в единую массу, а напротив, порождает реальное многообразие. Таким индивидуализированным характером представляется, в частности, фронтовик Илья Глазов, действующий в нескольких рассказах. В «Женитьбе» приводятся его портретное описание («С марлевой повязкой на ослепвшем правом глазу, с тросточкой в руке из-за несгибающейся в колене левой ноги и с двумя медалями за победы над Германией и Японией позже всех с фронта прихромал Илья домой»), краткая характеристика как председателя колхоза («шутил-острил, живостью ума, смекалкой и находчивостью» поднимал людей на работу) и обустройство личной жизни [4, с. 7–10]. В рассказах «Расписка», «Сон», «Приоденусь» подчеркивается его особость, атипичность, проявляющаяся в разных жизненных ситуациях. Не случайно в одном из интервью писатель обмолвился о своем намерении сделать Илью Глазова героем целого романа.

Такими же сложными, многогранными характерами выглядят еще один фронтовик Иван Игнатьевич Докторов, тип «настоящего человека» («кихи киилэ, саха саарына, ытык сэрии саллаата») из рассказа «Мой старый друг», табунщик Титович, который «всегда был в гуще народа» и «всегда умел чем-то удивить» («Титович», «Это было вчера», «Куйур», «Шаман со сковородой»), или народный характер, мастер на все руки, «якутский пашенный» Нэл Горюнов («Три буквы»).

Одним из способов индивидуализации образа в рассказах Д. Наумова, как и в произведениях Р. Багатайского, является поэтика имен и прозвищ. У героя рассказа «Блокнот» демагога и подхалима Семена Саввича, сына Нылбыйар Саввы (от якут. нылбый – двигаться бесшумно) соответствующее прозвище Хаптайар Сэмэн (от якут. хаптай – припадать к земле). Герой рассказа «Деревенские новости» сплетник и клеветник Нил Нилович Жемаков, по-якутски Ныыл Ныылович Ньамахов (от якут. ньамах – грязь, нечистоты) тоже обладает подходящим его репутации именным абрисом. То же самое можно сказать о непутевом, суетливом рубахе-парне Василии Малахае из рассказа «Красные манки».

Писатель использует и такой прием, как интертекст. Рассказу «Я, оказывается, умер» предпослан эпиграф из стихотворения Таллан Бюрэ. В рассказе «Вещий сон» герой вспоминает романтические строки Народного поэта Якутии Элляя: «Харса суюбум киирэр дуу, ыстаал буулдья ардаңар тыыммын биэртим ордук дуу!» [5, с. 385]. Иронический пафос рассказа «Жизнь самурая» подчеркивается словами другого Народного поэта Якутии Кюннюка Урастырова: «... үгүс сыл өлбөккө кэлбиччэ, өлгөм килиби сиэбиччэ син киһи арааска тиксэр ээ» [5, с. 391].

Роль традиции и новаторство Д. Наумова как драматурга

Во многих рассказах писателя ощущается его талант как драматурга. Некоторые из них представляют собой почти готовые сценарии. Например, рассказы «Колхозное собрание», «Нарушены правила», «Ошибка партии», «Мечта» построены как массовые сцены, в которых используется не только диалог, но и полилог. Поэтому в них участники массовых сцен не сливаются в безликую толпу, а образуют вполне дифференциированную аудиторию.

Если новеллистика Д. Наумова демонстрирует разные типы малой прозы, то жанровые обозначения его драматургических произведений ограничиваются лишь двумя определениями – «пьеса» в значении «драма» и «комедия». Причем подзаголовок «пьеса» снабжены лишь две драмы: «Повторные выборы» («Самалык быыбар») и «Инженер Глазов» («Инженер Хараахап»). Но первая из них во многом носит сатирический характер и по большому счету близка к комедии. В комическом свете представлены «демократы первой волны», которым на прошлых выборах удалось ввести народ в заблуждение и провести в депутаты своего человека. На этот раз избиратели не наступили на те же грабли и выдвинули двух хорошо известных местной общественности кандидатов Ивана Длинного (Уңун Уйбаан) и Ивана Полого (Көндөй Уйбаан), которые отличались друг от друга не столько своими программами, сколько лишь своим ростом. В драме высмеиваются семейственность, разделение на «местных» и «понаехавших», вспоминаются былые заслуги и обиды. В конце концов депутатский мандат достается улусному чиновнику, который благодаря своей импозантной внешности и репутации Дон Жуана получает поддержку прекрасной половины избирателей. В наслеге он так и не появился, сохранив статус «пара персонажа». Этот прием отсутствующего (виртуального), но влияющего на происходящее героя восходит к поэтике Ж.-Б. Мольера, автора комедии «Тартюф». Позднее он был использован Н. В. Гоголем в комедии «Ревизор».

Центральный конфликт драмы «Инженер Глазов» – противоборство города и деревни – проходит через все творчество писателя. Как и в своих рассказах, автор отдает приоритет селу, сельской цивилизации. Не случайно в одном из эссе он не может удержаться от признания в непреходящей любви к родной земле: «Я баловень замечательной, удивительной земли с таким изменчивым и всегда разным лицом – я, дитя якутского села... Родная земля, я скучаю вдали от тебя, сердце рвется из груди при воспоминании о родном аласе-поле, тоскую по бесконечно дорогой и милой красоте твоей первозданной» [4, с. 283]. В начале драмы главный герой находится в состоянии депрессии от усталости и неважного самочувствия, даже думает о смерти. Его проект строительства

новой котельной в Чараннахе не получил поддержки. В душе он завидует друзьям, переехавшим в город. Но, побывав в городе, познакомившись с их неустроенным бытом, разочарованным и подавленным настроением, инженер Глазов убеждается, что его место на родине, в каждодневном труде по благоустройству жизни сельчан. Обследование в медцентре показало, что его здоровью ничто не угрожает, для полного счастья выяснилось, что его проект утвержден.

Единственное драматическое произведение Д. Наумова, которое не сопровождается авторским жанровым определением, – это «Осень» («Күңүн»). Судя по краткой начальной ремарке («Осень. Окраина деревни»), соблюдению принципа «трех единств» (места, времени и действия), отсутствию внешних событий, минимуму действующих лиц, это психологическая монодрама. В самом деле герои драмы действуют на ограниченной площадке, все происходит в квартире героини, художественное время охватывает всего один день и одну ночь, их характеры раскрываются посредством напряженных диалогов и внутренних монологов, вводятся ретроспекции. Конфликт сразу достигает высшей точки (пьеса-кульминация). Шекспировская реминисценция (появление призрака умершего мужа героини) придает проблематике драмы экзистенциальный характер. Все это напоминает интеллектуальную «новую драму», возникшую на рубеже XIX–XXI вв. в творчестве А. Чехова, М. Метерлинка, Г. Ибсена, А. Стриндberга.

В то же время композиция «Осени» вполне традиционная. После экспозиции (краткого представления героев) следует завязка действия: Василий, мужчина пенсионного возраста, приезжает со своим другом в его родную деревню. Здесь живет Маайыс, его первая любовь, с которой он расстался тридцать пять лет назад. Далее происходит развитие действия, Василий встречается с Маайыс, они рассказывают друг другу, как сложилась их жизнь. Он говорит, что сделал неплохую карьеру, но личная жизнь не удалась: жена болеет, единственный сын погиб в аварии. Она сообщает, что ее муж неожиданно умер год назад, взрослые дети разъехались. Кульминация наступает, когда Василий показывает Маайыс фотографию удивительно похожего на него молодого человека, с которым он встретился во время одного совещания, а она признается, что это его сын. Он просит познакомить их, Маайыс сначала соглашается с условием, что он не откроется сыну. Но потом она «вызывает» призрак покойного мужа и после разговора с ним решает отказаться. Развязкой конфликта служит последняя встреча героев, во время которой Маайыс заявляет, что Василий предал их любовь и прогоняет его. Истинный философский смысл произведения заключается в поэтике его названия, пейзажном обрамлении и финальном монологе героини.

Все остальные драмы Д. Наумова отнесены им к жанру комедии. Именно в них, как и в малой прозе, проявилось его новаторство как художника слова. В драматических произведениях писателя присутствует одна имеющая глубокие корни традиция. Применительно к его малой прозе она обозначена как «озорной» элемент, в драмах, прежде всего в комедиях, вопрос гораздо сложнее.

Как известно, драма и театр возникли в Древней Греции во время празднеств в честь вегетативного божества Диониса. В его культе воплотились представления древних греков о зимнем умирании и весеннем пробуждении природы. Во время Дионисий царила карнавальная стихия, народ распевал не только дифирамбы, хвалебные песни в честь Диониса, но и звучали фаллические песни, а также допускались некоторые «вольности»: обжорство, сквернословие, распущенность как фантастические средства обеспечения будущего урожая, сытости людей, плодородия домашнего скота.

Аналогичные праздники устраивали и другие народы. У древних якутов, как писал этнограф Г. Ксенофонтов, существовал обряд «вызываания половой страсти», в котором участвовал шаман. Академик А. Гоголев отметил, что этот ритуальный обряд был связан с аграрной культурой и обычно проводился до сенокоса.

В комедиях Д. Наумова «Забастовка быков» («Обустар забастовкалара»), «Кампания любви» («Таптал хампааньната») ощущаются отголоски этих древних верований, хотя в них ставятся и решаются вполне реальные, насущные вопросы. В первой комедии говорится о том, как предпримчивая местная дама в условиях «сухого закона» не только нелегально торговала алкоголем, но и содержала племенных быков. Она требовала оплату за каждую осемененную ее быками корову, а когда народу это не понравилось, объявила «забастовку быков» и даже пригрозила кастрировать их. Страсти разгорелись, был создан антизабастовочный комитет, но все же удалось при посредничестве властей погасить конфликт. Во второй комедии тоже речь идет о реальной проблеме: из-за ограниченного контингента детей в Чараннахе возникла угроза закрытия местной школы. Общественность чрезвычайно озабочилась и решила срочно заняться проблемой демографии. Председатель Совета ветеранов Терентий Иванович Мендяров, известный в народе как старик Тэриэс, предложил объявить ударный год по рождению детей. Его идею слегка скорректировали и решили провести «суорумны» – День сватовства – под девизом «Кэтэниилээх кийиттэр, күүттэриилээх күтүйттэр» («Желанные невестки, долгожданные зятя»). Мероприятие прошло удачно, и к осени шесть молодых семей уже ожидали первенцев.

В ряде случаев писатель изображает комические ситуации и коллизии из жизни современного села. В комедии «Мост» («Күргэ») незадачливые герои, стремясь набить цену, упускают свою ежегодную доходную статью. «Счастливый человек» из другой комедии, выигравший в лотерею автомобиль «Жигули», в отличие от героя рассказа Сайа «Выигрыш», пускает по ветру вместе со своими приятелями крупную сумму («Дъоллоох кини»). В еще одной комедии речь идет о том, как на фоне приватизации и охраны водоемов и угодий общего пользования едва не возникли трения между старожилами, но постепенно все успокоились и жизнь вошла в прежнее русло («Мунур Атах ыала»).

В своих комедиях, как и в рассказах, Д. Наумов использовал целую систему поэтических средств и приемов, начиная с таких, как литературные аллюзии, поэтика имен, анималистическая образность, и кончая речевым самораскрытием героев. В них для усиления иронического контекста упоминаются персонажи Эрилик Эристиина бедный Хачыгыр и самодур Макар, «великий комбинатор» Остап Бендер из произведений И. Ильфа и Е. Петрова, адаптируются стихотворения Элляя.

Старика Тэриэса местные острословы окрестили Торезом Мендиаром, дама с быками, известная как Матайар Мааса, превратилась в Мари Матияриш, старушка Клепа стала царицей Клеопатрой, а ее подруга из соседней деревни – Анастасией Долларовной Рублевой. В комедии «Забастовка быков» третье явление второго действия целиком построено в виде диалога быков, которые гордятся своей родословной, осуждают глупых «двуногих» и протестуют против навязанной им забастовки.

Д. Наумов, сам блестящий знаток родного языка, с полным правом бросает камень в огород сторонников излишней «якутизации» языка народа саха. В уста своего героя старика Тэриэса он вкладывает следующие «неологизмы»: «мэмимээр» (мемуар), «ислэсии» (изложить), «истириэс» (стресс), «ньэдэбиэрийэ» (недоверие), «ньылыгаалынай» (нелегальный) и другие.

Что касается северной сказки «Дюкэбил и красавица Радуга», то в типологическом плане она близка к пьесе-сказке М. Метерлинка «Синяя птица». Об этом свидетельствуют общий романтический пафос, обусловленный новогодней атмосферой, пара юных героев – мальчик Ньургун и девочка Сайына, которые благодаря «храброму сердцу и горячему желанию» («эрдээх сүрэх, сылаас санаа») преодолевают время и пространство и с помощью могущественных сил природы помогают обрести любовь сыну бескрайнего Неба Дюкэбилью и дочери светлого Солнца красавице Радуге. Но если положительная программа Метерлинка сводилась к проповеди морального усовершенствования, постоянного поиска и удовлетворения малым, то гуманистический пафос сказки

якутского писателя выражен в финальных словах Кустук Кую: «Үйгу-быйан кэрэңитэ бу Сиргэ буолуом» («Я буду вестником богатства и изобилия на этой Земле») [7, с. 250].

Заключение

Итак, Дмитрий Федосеевич Наумов, народный писатель Якутии, имеет высокую репутацию как автор оригинальных рассказов и не менее самобытных драм, посвященных якутской деревне. В своих произведениях он демонстрирует незаурядное мастерство в создании массовых сцен и выявлении «коллективного сознательного». В то же время его художественная антропология содержит немало ярких индивидуализированных образов. Д. Наумов продолжает развиваться как художник слова. Благодарный читатель ждет его новых произведений.

Л и т е р а т у р а

1. Сивцев, В. Санга суруйааччы / В. Сивцев // Киин куорат. – Алтынны, 19. – 2006 с.
2. Ростовцев, Е. И в городском окне видится родная деревенька / Е. Ростовцев // Якутия. – Сентябрь, 27. – 2007 г.
3. Самсонова, Т. П. Якутский рассказ : основные тенденции развития (конец XX–начало XXI вв.). – Якутск, 2014. – 152 с.
4. Наумов, Д. Деревенька моя / Пер. А. Борисовой, М. Дьячковского–Көлбө, Л. Борисовой. – Якутск : Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2006. – 360 с.
5. Наумов, Д. Ф. Дэриэбинэм барахсан : кэпсээннэр, пьесалар. – Дьокуускай : Көмүөл, 2009. – 576 с.
6. Башляяр, Г. Избранное : Поэтика пространства / Пер. с франц. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 376 с.
7. Наумов, Д. Ф. Чомойор Кыына : кэпсээннэр, пьесалар. – Дьокуускай : Бичик, 2011. – 256 с.

R e f e r e n c e s

1. Sivtsev, V. (2006). A new writer. *Kiin kuorat*, Oct. 19. (In Sakha)
2. Rostovtsev, E. (2007). Still seeing my home village from my flat's window. *Yakutiya*, Sept. 27. (In Russian)
3. Samsonova, T. P. (2014). *The Yakut Story: Main Trends in the Late 20th – Early 21st century*. Yakutsk. (In Russian)
4. Naumov, D. F. (2006). *My Lovely Village*. Translated from Sakha by A. Borisova, M. D'yachkovskiy–Kelbe, L. Borisova. Yakutsk: Izd-vo YaNTs SO RAN. (In Russian)
5. Naumov, D. F. (2009). *My Lovely Village: Stories, Plays*. Yakutsk : Kemuel. (In Sakha)
6. Bachelard, G. (2004). Selected Works: The Poetics of Space. Translated from French. Moscow : ROSSPEN. (In Russian)
7. Naumov, D. F. (2011). *Cow Chomoyor's Daughter : Stories, Plays*. Yakutsk: Bichik. (In Sakha)

БУРЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: anatoly_burtsev44@mail.ru

BURTSEV Anatoliy Alexeevich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БУРЦЕВА Марина Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

BURTSEVA Marina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Languages and Area Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.